НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАТАЛЬЯ ФРАНЦЕВНА КОВКЕЛЬ

Кафедра теории и истории права, Белорусский государственный
экономический университет

220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Партизанский, 26

E-mail: natfrkov@mail.ru

DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-6-kovkel

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ШКОЛЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

NATALIYA F. KOVKEL

Department of legal theory and legal history, Belarus State Economic
University

220070, Republic of Belarus, Minsk, Partizansky prospect, 26

E-mail: natfrkov@mail.ru

15–20 августа 2019 г. **Международным институтом философско-правовых исследований** в г. Минске на базе Белорусского государственного экономического университета был проведен комплекс научных мероприятий — **Первая международная летняя философско-правовая школа**.

В работе международной летней философско-правовой школы приняли участие ведущие специалисты в области философии, философии и теории права, отраслевых юридических наук из Российской Федерации, Республики Беларусь, Украины, Молдовы, Эстонии, Литвы и др.

Программа Первой международной летней философско-правовой школы включала в себя научную конференцию и несколько «круглых столов» на протяжении четырех дней работы школы. На международной научной конференции *«Права человека vs. традиционные ценности?»* выступили следующие участники.

А.В. Поляков, докт. юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, в докладе *«Право и традиционные ценности»* отметил, что исходит из онтологической связи права с ценностями. Право, по его мнению, существует не само по себе (как некая система данных человеку извне норм), а исключительно через его интерпретацию и признание субъектами правового взаимодействия. Соответственно, право невозможно вне его легитимации, а легитимация (как следствие признания) предполагает наличие у самого права неких ценностных (аксиологических) свойств. Поэтому признание человеческой личности в коммуникативном единстве (взаимодействии) с другими личностями (а значит, с их правами и обязанностями) высшей правовой ценностью является необходимым выводом из анализа всех предпосылок нормального существования человеческого общества, но реализация этого идеала протекает в исторических условиях конкуренции и борьбы одних традиций с другими, нарождающимися в новых исторических условиях. Исторически это борьба между либерализмом и консерватизмом (традиционализмом) как идеологиями, имеющими правовое преломление. Автор аргументировал позицию, согласно которой лишь консервативный либерализм, исходящий из принципа взаимного признания, взаимной ответственности и солидарности, в наиболее полной мере отвечает идее права.

С.И. Максимов, докт. юрид. наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, профессор кафедры теории и философии права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина), в докладе *«Человеческое достоинство в системе правовых ценностей»* обратил внимание на то, что в настоящее время наблюдается тенденция усиления внимания к аксиологической проблематике в философии права, в центре которой оказываются правовые ценности. Правовые ценности определяют сущность и цель права, составляют его основу. Они находят свое воплощение в принципах и нормах. В системе правовых ценностей различают *ценности-цели: универсальные ценности* (свобода, равенство, справедливость, человеческое достоинство), *более конкретные ценности*, воплощенные в таких благах, как собственность, порядок, образование, наука, культура, гражданское общество, и *ценности-средства* (законность, правовая определенность, нормативность, правосудие). В системе универсальных ценностей человеческое достоинство занимает особое место. Будучи выражением самоценности человека, его субъектности, человеческое достоинство рассматри-

вается в качестве как ценностной основы прав человека в целом, так и самостоятельным правом, неприкосновенность которого закреплена в основополагающих международных документах и конституциях развитых стран.

Т.А. Васильева, докт. юрид. наук, доцент (г. Москва), в докладе «*Традиционные национальные ценности и европейские конституционные стандарты: Венгрия против ЕС*» отметила, что в современном обществе конфликты, связанные с противоречием между правами человека и традиционными ценностями, встречаются достаточно часто на индивидуальном уровне, однако признание традиционных ценностей в качестве основы государственной политики и приоритетного направления развития национальной государственности — довольно редкое явление, по крайней мере в Европе. Случай Венгрии представляет интерес именно потому, что речь идет о противостоянии государства, принадлежащего к европейской цивилизации и являющегося членом объединения, для вступления в которое необходимо было продемонстрировать приверженность универсальным правам человека. Венгрия не только декларирует свою приверженность либеральным ценностям на политическом уровне, но и закрепляет соответствующие положения на конституционном уровне. Так, в преамбуле Основного закона Венгрии, вступившего в силу 1 января 2012 г., провозглашены конституционные ценности, связанные с принадлежностью к христианской религии и венгерской этнической группе. После вступления в действие в 2018 г. седьмой поправки к Основному закону защита самоидентификации страны, производной от ее исторической конституции, была признана обязанностью всех государственных органов. При этом для защиты своей позиции в ЕС Венгрия использует либеральные правовые концепции, разработанные в рамках данного объединения. Применительно к таким ситуациям в сравнительном конституционном праве даже появилось новое понятие — злоупотребление конституционными заимствованиями (“*abusive constitutional borrowing*”). Так называют использование западных либеральных демократических конституционных ценностей, концепций, норм и институтов в целях осуществления фактически антидемократических конституционных изменений.

Н.В. Варламова, канд. юрид. наук, доцент (г. Москва), в докладе «*Европейский консенсус vs. национальный консенсус в практике Европейского суда по правам человека*» обратила внимание на то, что данные доктрины используются Судом и сторонами по делу для обоснования своих позиций. Под «европейским консенсусом» Европейский

суд понимает достигнутое единообразие регулирования определенных отношений в государствах — участниках Конвенции о защите прав человека и основных свобод. От наличия «европейского консенсуса» зависит признаваемая Европейским судом за государствами степень свободы усмотрения при обеспечении гарантированных Конвенцией прав. Если «европейский консенсус» по тому или иному вопросу существует, но государство ему не следует, оно должно предоставить особо убедительное обоснование своей позиции. Наличие «европейского консенсуса» Суд устанавливает на основании анализа как внутреннего права и практики государств — участников Конвенции (в этих целях он проводит сравнительные исследования), так и международно-правового регулирования (для этого он обращается к широкому набору международно-правовых актов самого разного характера и уровня). В свою очередь, государства — участники Конвенции противопоставляют «европейскому консенсусу» так называемый внутригосударственный (или национальный) консенсус, т.е. ссылаются на свои устойчивые и общепризнанные культурные традиции, моральные ценностные ориентации большинства населения, социальную эффективность тех или иных институтов и т.п. Европейский суд, признавая в целом возможность отступления от «европейского консенсуса» по серьезным внутригосударственным историческим и политическим причинам, редко соглашается с такими доводами. Обе концепции являются скорее метафорами, чем полноценно разработанными доктринами. Оперирование ими далеко не всегда бывает корректным. Но вместе с тем они способствуют развитию межсудебного диалога и поиску способов совмещения универсальных стандартов в области прав человека и традиционных национальных ценностей.

Р.А. Ромашов, докт. юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, в докладе *«Права человека — инородное образование в теле российского права»* отметил, что российское право представляет собой социокультурное явление, сформировавшееся в ходе исторической эволюции российского государства. Последнее в динамике политогенеза минует три стадии (цикла), в каждом из которых имеет место самостоятельная, качественным образом отличающаяся от предшествующей политико-правовая конструкция: имперского, советского, постсоветского типа. Права человека на всех этапах российского политогенеза представляли собой инородное куль-

турное образование, заимствование которого из западной правовой культуры носило сугубо формальный характер и не сопровождалось со стороны государства ни гарантиями, ни санкциями. В своей основе понимание человека в качестве «первоценности» имеет протестантский характер и связано с реформаторским процессом в католичестве. Российская православная культурная традиция оперирует понятием «единого и неделимого русского мира», в котором человек по определению не может выступать в качестве первичного, и уж тем более центрального элемента. Современная Россия, на конституционном уровне провозгласившая свою приверженность к общечеловеческим, а точнее, западным ценностям, в числе которых безусловным приоритетом обладают права и свободы человека, на практике демонстрирует отрицательное отношение к либеральной идеологии и продолжает имперско-советскую традицию, где индивид должен «раньше думать о Родине, а потом о себе», заботясь исключительно о том, чтобы «жила бы страна родная, и нету других забот».

Н.Ф. Ковкель, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права УО «Белорусский государственный экономический университет», в докладе «*"Human rights based approach"*»: *аксиологические и методологические проблемы применения в юридических исследованиях*» отметила, что Human rights based approach (HRBA), т.е. подход, основанный на правах человека, редко используется в юридических исследованиях Российской Федерации и Республики Беларусь. Основной аксиологической проблемой его применения является доминирование традиционных ценностей, невзирая на рецепцию западных доктрин о правах человека и имплементацию соответствующих норм в национальное законодательство. Подавляющее большинство научных исследований в области прав человека выполняется в исключительно позитивистской парадигме, а не «через и во имя прав человека». В них не применяются основные принципы HRBA: приоритета прав человека, недискриминации, инклюзивности, интерсекциональности, гендерного равенства и др. В русскоязычных юридических исследованиях в области прав человека крайне редко реализуется междисциплинарный подход и не используются наиболее продуктивные для HRBA методы: деконструкции, критического дискурс-анализа, семиотического анализа и др. В частности, отсутствуют элементарные методологические разработки в области применения методов деконструкции и критического дискурс-анализа: не классифицированы виды юридического дискурса, не определены их составляющие, не проанализирован критический, антидискриминационный подход

к анализу юридических дискурсов, не разработаны междисциплинарные методики применения методов деконструкции и критического дискурс-анализа.

Н.В. Исаева, канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного права и прав человека ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», в докладе *«Достоинство личности как проблема правозащитной практики»* предложила неклассический подход к исследованию проблемы достоинства личности, основанный на правовой теории идентичности, которую автор рассматривает в единстве научного, субъективного и объективного аспектов. Это позволяет дать качественную характеристику субъектов правозащитных правоотношений, когда в юридически значимых действиях обнаруживаются *наличие, состояние или отсутствие* правовой идентичности. Субъектами правоотношений выступают не структуры, а люди, включающие заложенные в праве ценности и смыслы в понимание себя, собственное саморазвитие и самореализацию. Государство, нарушая права человека, покушается на его достоинство, т.е. его самоуважение, целостность личности, *ставит под сомнение признание личности* в транслируемом правовом статусе, *проявляет неуважение* к человеку и его репутации. Поэтому правозащитная деятельность — это процесс *формирования условий признания* достоинства личности.

Н.Н. Ефремова, канд. юрид. наук, профессор, доцент НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва), в докладе *«Традиционные национальные ценности и международные стандарты организации правосудия в системе гарантий прав человека: ретроспективный обзор»* обратилась к проблеме становления национальных ценностей правосудия, в значительной мере нашедших в дальнейшем закрепление в международно-правовых актах. Так, например, уже в Судебнике 1497 г. была установлена равнодоступность правосудия для всех подданных и запрет на отказ в нем, а в «Зерцале правосудия» 1722–1724 гг. — требование законности судопроизводства. Апогеем поступательного введения прогрессивных принципов и институтов юстиции стало вступление в силу Судебных уставов 1864 г., провозгласивших практически полный набор ценностей, содержащийся в наши дни в международных стандартах правосудия. Одним из ведущих среди них был принцип справедливости, который должен оставаться таким и в наши дни, вопреки встречающемуся в современной отечественной юридической доктрине скептицизму. Важно понимать, что, как и другие принципы надлежащей организации правосудия, он по содержанию в различные исторические периоды бывает обусловлен релевантными социокуль-

турными, экономическими и политико-идеологическими условиями, но от этого не утрачивает своего универсализма и правовой ценности.

В.И. Павлов, канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», в докладе *«Как возможно мыслить человека в качестве правовой ценности?»* отметил, что традиционно человек в качестве правовой ценности рассматривается в юриспруденции через специальные юридические конструкции, прежде всего через субъективные права, непосредственно вытекающие из прав человека. И человек как ценность для права, и сами правовые ценности выступают в таком случае как специальные юридические понятия, претендующие на универсализм. В общем, западные правопорядки, особенно правопорядок Европейского союза, стараются определить аксиологическое ядро учения о правах человека посредством формулирования универсальных, можно даже сказать, глобальных для всех иных правопорядков стандартов в области прав человека, которые и рассматриваются ими как главная правовая ценность. Однако нередко такое понимание прав человека как ценности включает в себя специфически локальное, западноевропейское понимание и человека, и его базовых притязаний. Поэтому такой подход сталкивается с сопротивлением иных правопорядков, которые исходят из иного понимания человека как ценности, из иного регистра первичных притязаний. Основным направлением в гармонизации различных правопорядков относительно аксиолого-правовых стандартов, в частности, в рамках учения о правах человека, В.И. Павлов полагает необходимым развивать не односторонне-трансферный, а диалоговый, коммуникативный подход, при котором каждому правопорядку будет дана возможность сформулировать собственное антрополого-правовое ядро, которое и будет определять его конституционно-правовую идентичность.

О.А. Халабуденко, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры политических наук и права Киевского национального университета строительства и архитектуры, в докладе *«Границы действия и границы защиты прав человека: философско-правовое измерение»* подчеркнул, что в актуальной правовой действительности категория «права человека» рассматривается в качестве ведущего тренда правовой культуры, обеспечивающего легитимацию политического режима. В правовой доктрине приводятся различные расплывчатые и дескриптивные определения прав человека, из этих определений не ясно: чем отличаются права человека от иных прав, предполагают ли права чело-

века определенную форму позитивной фиксации, требуют ли они гарантий со стороны правопорядка, необходимы ли затраты на их осуществление, в чем их отличие от моральных гарантий. Критическая позиция в отношении основной гипотезы прав человека, согласно которой некий универсальный моральный порядок, легитимность которого не связана с конкретными историческими и социальными условиями, применим ко всем людям и во все времена, ставит проблему снятия оппозиции между естественным правом и правом позитивным, которая разрешается с помощью метода юридического конструктивизма. Права человека в этой связи не отличаются от иных правовых явлений. Как и иные права, конструкции прав человека имеют три уровня измерения: первый — концептуализация на уровне общественного сознания, второй — объективация в форме юридического текста, третий — наполнение соответствующей конструкции в ходе правового общения персонифицированным юридическим смыслом. Рассматриваемый процесс с точки зрения организации системы права универсален и революционен: на смену идеям римского права и права, данного сувереном, придававшим необходимую легитимацию нормативным высказываниям, приходит их легитимация моральными (достоинство), а позднее политическими категориями (свободой).

В.В. Ефремова, канд. юрид. наук, доцент юридического факультета ГАУГН, в докладе *«Ущемление прав человека творческого»* отметила, что участие Российской Федерации в большинстве важнейших международных договоров, посвященных охране авторских прав и смежных, не исключило необходимости дальнейшего развития национальной правовой защиты ее творческого потенциала в сложившихся условиях преодоления негативных пороков интеграции в целях, помимо прочего, сохранения духовного и нравственного исторического наследия России. Был поставлен вопрос о разграничении собственно академической свободы, свободы творчества (созидательной и направленной на продолжение потенциальной человеческой жизни) и форм самовыражения человека, подлежащих ограничению, на основании международных актов, в силу их губительного влияния, в частности, на психическую целостность человека. Отмечено, что до сих пор, к сожалению, остается не проясненным вопрос и о соотношении форм культурного самовыражения, которые в международном праве названы имеющими культурное содержание результатами творчества отдельных лиц, групп или обществ, с собственно результатами интеллектуальной деятельности граждан РФ, поименованных в Гражданском кодексе РФ.

И.И. Осветимская, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), в докладе «*Конфликт прав человека и традиционных ценностей*» подчеркнула, что главное в процессе взаимодействия культур — определить приоритетную систему ценностей. Однако функционирование традиционных ценностей с иными ценностно-коммуникативными системами осложняется сущностной конфликтогенностью традиционных и нетрадиционных ценностей. Эта конфликтогенность априори содержится в следующих представлениях: *о человеке* (если человек — подобие Божие, творец, созидатель, у него один состав прав; если же человек — ресурс, рынок, потребитель, у него другой состав прав и другие методы их реализации); *о ценностях* (традиционная парадигма религиозно-философской мысли опирается на субстанциальную эссенциалистскую концепцию ценностей; неклассическая либерально-секулярная парадигма — на релятивистскую гедонистически-прагматическую); *о приоритете частного или общего* (права человека являются индивидуальными и отражают точку зрения индивида; традиционные ценности ратуют за общее благо); *о свободе* (свобода с точки зрения традиционных ценностей ведет к освобождению от греха; свобода в либеральной трактовке может превращаться в свободу «для греха»); *о добре и зле* (между представлением общества о человеке и его правах и представлением противоположным находится граница, которая протекает между добром и злом).

Н.А. Богданович, главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», в докладе «*Принцип “non bis in idem” как составная часть правовых ценностей в уголовном процессе*» отметила, что баланс правовых ценностей должен находиться в единой плоскости; если одной правовой ценности отдается предпочтение, то, соответственно, другая ценность попросту отрицается, исключая сохранность человекомерности права. При этом баланс может быть достигнут различными способами (например, приданием правовой норме официального толкования). Однако наиболее он необходим в отраслевых науках и, в частности, в тех, где незначительное отрицание ценности может привести к необратимым последствиям. Одним из примеров может выступить баланс соблюдения условий принципа “*non bis in idem*” в такой отраслевой науке, как уголовно-процессуальное право. Аксиологический подход в изучении данного принципа позволя-

ет обратить внимание не только на детерминанты права, связь с государством, но и на его социокультурные основы и духовные аспекты. В некотором смысле, применение теории ценности позволяет реализовать принцип справедливости, частью которого и выступает принцип “*non bis in idem*”.

Обсуждение аксиологической проблематики было продолжено в рамках международного «круглого стола» **«Справедливость в праве: концепции XX–XXI вв. и вызовы современного мира»**, открытого выступлением **А.В. Полякова**, докт. юрид. наук, профессора, профессора кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, *«Справедливость в праве: коммуникативный подход»*. Автор аргументировал позицию, согласно которой взаимное признание фундаментальных прав и обязанностей является необходимым условием и для признания самого правопорядка, причем именно принцип взаимного признания является той грун-нормой (грунт-принципом), при помощи которой конституируется любой правопорядок. Принцип взаимного признания выступает и как основной принцип справедливости права. Право справедливо в той мере, в какой оно следует принципу взаимного признания, в какой оно его развивает и реализует. Данный принцип нельзя считать пустым и бессодержательным (как, например, полагал Г. Кельзен, характеризуя любые принципы, претендующие на универсальное значение в праве). Ведь из этого принципа можно вывести все остальные нормативные принципы права, соответствующие кельзенскому представлению о статичной правовой системе. А.В. Поляков привел аргументы в пользу вывода о том, что само существование права невозможно без признания уникальной человеческой личности в качестве автономного правового центра, чья автономия поддерживается и определяется автономией всех других таких же личностей. Отсюда же выводится правовая свобода и формальное (правосубъектное) равенство, достоинство и справедливость, ответственность и солидарность каждого человека.

Е.Г. Самохина, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства НИУ «Высшая школа экономики» Санкт-Петербурга, в выступлении *«Идея постмодернистской справедливости»* остановилась на критике противников постмодернизма в праве и отметила, что зачастую «деконструктивистскую методологию» ставят во главу угла, забывая о ее предназначении. Вместе с тем идеей деконструировать все и вся не исчерпывается амбициозная программа постмодернизма. Деконструкция была предложена Ж. Дерридой в качестве метода обращения со сложившимися в евро-

пейской культуре «великими рассказами», позволяющего избавиться от их властного подавляющего воздействия. Это один из моментов, позволяющих отметить важное значение философии постмодернизма в борьбе за свободу личности и признание за каждым человеком права быть собой. Учение о деконструкции Ж. Дерриды есть в первую очередь учение о справедливости. Деконструкция представляет собой своеобразную интерпретативную практику или особое средство толкования, позволяющее проследить процесс, в рамках которого текст получает свое значение. Но, несмотря на подобный инструментальный характер данного приема, значение его сложно переоценить. Это своеобразная техника разложения текста, поиск скрытых несоответствий, которые изначально в нем присутствовали, развитие бинарных оппозиций, предполагающее равноправие обоих их членов и, следовательно, изменение иерархической структуры. Деконструкция предстает в качестве метода, или пути достижения определенной цели — изменение структур и иерархий, сложившихся в различных сферах общественной жизни на основе учений классической рационалистической философии. Деконструкция позволяет выйти за пределы доминирующего дискурса, разбить древние иерархические структуры и, таким образом, добиться справедливости и равноправия. С этой позиции, можно предположить, что постмодернизм сделал для развития учения о справедливости гораздо больше, чем многие классические философско-правовые концепции.

М.А. Беляев, канд. филос. наук, доцент Университета имени О.Е. Кутафина (г. Москва), в выступлении *«Процедуралистская парадигма права, справедливости и государства»* отметил, что в эпоху господства постмодернистского стиля мышления прежние способы обоснования значимости определенных социальных практик и институтов подверглись значительной девальвации. На концептуальном уровне это отразилось критические школы социальных исследований, прежде всего, теоретики Франкфуртской школы первого и второго ее поколений. На уровне обыденно-прагматического мышления эта девальвация коррелирует с недоверием к «большим нарративам» (Ж.-Ф. Лиотар). Данное обстоятельство усложняет обеспечение социального порядка прежними идеологическими инструментами. Переосмыслению, причем не всегда систематическому, подвергаются базовые понятия политики и права, такие как «действительность нормы», «легитимность закона», «эффективность действия права» и т.д. Процедуралистская парадигма, в отличие от позитивизма и юснатурализма, выступает за переменное содержание указанных понятий, объяс-

няя это необходимостью их периодического пересмотра сообразно спросу на правовое регулирование, исходящему от «общественности» или гражданского общества. Именно процедура всеобщего обсуждения того или иного юридического решения может — при соблюдении логико-языковых и коммуникативных требований — обеспечить то взаимное признание между публичной властью и населением, без которого право утрачивает внутренне присущую ему логику и превращается в политизированный инструмент давления.

Л.А. Харитонов, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), в выступлении «*В праве нет справедливости?*» подчеркнул, что в юриспруденции на протяжении столетий предпринимались попытки соотнести понятия «право» и «справедливость». Обобщая мнения ученых, можно (весьма условно) выделить два основных подхода к решению исследуемого соотношения. Ряд мыслителей рассматривает справедливость как качественную характеристику, имманентно присущую праву, следовательно, там, где нет справедливости, там нет и права. Другие видят в справедливости некий внешний объективно существующий ориентир для законодателя и правоприменителя. Л.А. Харитонов исходит из того, что справедливость — понятие интересубъективное и используемое ситуативно в сложных делах, в целях обоснования решений, принимаемых “*intro legem*”, “*contra legem*”.

И.А. Моисеева, канд. юрид. наук, доцент, заместитель декана юридического факультета УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», в выступлении «*Справедлива ли справедливость?*» отметила, что право по своей природе — это справедливая мера свободы. Норма права, правильно отражая справедливость, не всегда автоматически ведет в процессе своей реализации к справедливым результатам. Справедливость — понятие неоднозначное. В отличие от моральных норм, законы являются обязательными для всех. Соответственно, только государство имеет право на отправление правосудия, гарантируя, что судебное разбирательство будет справедливым и будут учтены различные интересы и найдены компромиссы. Функции права в качестве средства социального компромисса в обществе полностью соответствуют природе справедливости. Законодатель предоставляет возможность правоприменительным органам учитывать всю совокупность обстоятельств дела, все факторы и условия, влияющие на юридическую ответственность, и выбрать наиболее справедливое при данных обстоятельствах решение. В последнее время можно гово-

речь о так называемой договорной справедливости в рамках альтернативных способов разрешения споров, в том числе посредством процедуры медиации и восстановительного судопроизводства, когда то, что приемлемо для сторон одного конфликта, может не удовлетворять интересам сторон другого конфликта.

Эпистемологические проблемы анализировались в процессе проведения **международного «круглого стола» «Проблемы междисциплинарности в современной философии и юриспруденции»**. Он был открыт выступлением **С.Н. Бабурина**, докт. юрид. наук, профессора, главного научного сотрудника Института государства и права РАН, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, *«Эпистемология современного конституционализма: упадок универсализма и несостоятельность междисциплинарности»*, который отметил, что эпистемология современного конституционализма предполагает анализ процесса, механизмов и результатов конституционного развития общества с позиций прогресса или деградации правового знания и конституционного моделирования жизни современного общества, осмысление ценностных элементов конституционализма. Конституционный универсализм, по мнению С.Н. Бабурина, бесплоден. Во-первых, по причине отрицания им цивилизационных особенностей наций и национальных культур, специалисты называют попытки конституционного закрепления конституционно-правовых проектов, несовместимых с национальной почвой, дефектами конституционного права. Во-вторых, из-за его опоры на секуляризм философского и правового познания, на бездуховность конституционного процесса. В-третьих, в связи с отсутствием у конституционного универсализма нравственной основы. С.Н. Бабурин подчеркнул правоту В.С. Нерсисянца в призыве конституировать новый после социализма строй — цивилизм.

М.А. Можейко, докт. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», в выступлении *«Проблема междисциплинарности в современной науке: методологические основания и парадигмальные сдвиги»* указала, что формирование синергетического подхода в современной науке привело к серьезным парадигмальным изменениям как в естественно-научном, так и в гуманитарном научном познании. Можно выделить четыре основные тенденции этих изменений: 1) оформление детерминизма нелинейного типа, который ставит в центр внимания бифуркационный выбор системы и предполагает отказ от трактовки процесса в качестве

эволюционного; 2) радикальная переориентация от аналитик бытия к аналитикам становления; 3) формирование отказа от жесткой номотетики и актуализация значимости единичного и уникального события; 4) распад субъект-объектной оппозиции и оформление программы нового междисциплинарного диалога.

Н.Ф. Ковкель, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права УО «Белорусский государственный экономический университет», в выступлении *«Проблемы достижения методологического единства и снятия теоретических конфликтов в междисциплинарных юридических исследованиях»* на примере такой междисциплинарной отрасли современной юриспруденции, как семиотика права, проанализировала некоторые методологические и теоретические проблемы междисциплинарности. В частности, Н.Ф. Ковкель отметила допарадигмальный статус семиотики права, обусловленный отсутствием концептуального, методологического и теоретического единства. Разнообразие и ряд конфликтов научных концептов, методов и теорий наблюдаются не только на уровне взаимодействия между семиотикой и юриспруденцией, но также внутри самой семиотики.

Н.В. Разуваев, докт. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС) при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург), в выступлении *«Междисциплинарность как эпистемологический фундамент пост(не)классического правопонимания»* отметил, что широкое использование междисциплинарных методов в юриспруденции получает обоснование в контексте постклассической (или постнеклассической) картины реальности. Важнейшей особенностью постнеклассической парадигмы является представление о сконструированности социальной реальности, а также правовой реальности как ее неотъемлемой составляющей. Следовательно, феномены правовой реальности являются результатом конструирования, осуществляемого коммуницирующими членами общества в процессе их практического взаимодействия и познавательной деятельности. В свою очередь, право может рассматриваться как система семиотических средств конструирования феноменов правовой реальности. Право, таким образом, представляет собой своего рода «язык» и должно изучаться с применением методов, используемых науками о знаковых системах, в первую очередь математики и лингвистики. Результаты лингвоюридических, юридико-математических и юридико-семиотических исследований способны внести существенный вклад в углубленное понимание не только процессов

конструирования правовой реальности в системном плане, но и закономерностей ее эволюции в исторической ретроспективе.

А.А. Соколова, канд. юрид. наук, доцент, профессор-эмеритус департамента социальных наук Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва), в выступлении *«Искусственный интеллект и юриспруденция в эпоху LegalTech-революции: приглашение к междисциплинарному диалогу»* анализировала проблемы «интервенции» искусственного интеллекта в сферу юриспруденции, по-разному оцениваемой учеными в юридическом сообществе. Факты мировой правовой действительности свидетельствуют о наступлении эры *LegalTech*-революции. Разумный научный оптимизм позволяет нам воспринимать ее как современное достижение в юриспруденции, задающее новый вектор ее модернизации и придающее новый смысл юридической деятельности. Как следует относиться к новым технологиям и внедрению искусственного интеллекта в юриспруденцию? Приведет ли этот процесс к конкуренции на рынке труда и замене некоторых категорий юридической профессии юристами-роботами, как предвидеть и нивелировать возможные риски применения искусственного интеллекта в юридической сфере? Каков портрет юриста XXI в., какими новыми знаниями и компетенциями он должен обладать? Эти и многие иные вопросы должны стать предметом междисциплинарного диалога, к которому приглашаются, помимо юристов, специалисты в сфере информационных технологий.

М.А. Беляев, канд. филос. наук, доцент Университета имени О.Е. Кутафина, в выступлении *«Междисциплинарность и эпистемические добродетели»* затронул проблему разграничения знания и случайно сформированного суждения (мнения) в юридической науке. Ведущей эпистемической добродетелью юриста следует считать его верность имманентной логике права, сокрытой в его сущности и раскрывающей себя в многообразных правовых явлениях. Междисциплинарные подходы могут быть крайне интересными и продуктивными, но они работают либо в сторону формирования заказа на определенные юридические решения со стороны не-юристов, либо в виде обратной связи правовой системы с окружающими ее средами.

В.В. Оглезнев, докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета, в выступлении *«Аналитическая философия права как междисциплинарный проект»* отметил, что аналитическая философия права (АФП) — это не просто одна из философско-правовых систем. Это совокупность многообразных тече-

ний в рамках современной англоязычной философии права, и определить единообразно эти течения в ракурсе одного направления весьма непросто. Что такое АФП как четко определенное понятие — вопрос до сих пор нерешенный. Суть АФП заключается в том, что право нужно анализировать с точки зрения тех методов и проблем, которые характерны для философии языка. Язык, посредством которого выражены правовые понятия, должен стать основой выявления их содержания. АФП — это не попытка описать или выяснить сущность некоторого объективного феномена. Основная цель АФП — это анализ фактов языка. Анализ языка права связан только лишь с исследованием сложившейся практики словоупотребления в языке права. И на этом основании развиваются практики толкования правовых норм и основных категорий права. Аналитическое изучение правовых понятий, исследование огромного словарного запаса юриспруденции средствами философии языка, наряду с историческими и социологическими исследованиями, сыграли важную методологическую роль в понимании природы права, что в полной мере отразилось на спецификации предметной области АФП.

С.И. Максимов, докт. юрид. наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, профессор кафедры теории и философии права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина), в выступлении *«Теория источников права в философском, социологическом и юридико-догматическом измерениях»* отметил, что обычно изложение теории источников права начинается с констатации наличия идеальных, материальных и формальных источников. Первые представляют собой идеи и ценности, влияющие на формирование права, ключевой идеей и основной правовой ценностью здесь является справедливость. Вторые — материальные детерминанты формирования права, определяющие его содержание, среди которых можно выделить природные, антропологические, экономические, политические, социальные, культурные и другие источники. Третьи — фиксируют различные формы права, выраженные, как правило, в письменных документах (нормативно-правовых актах, судебных прецедентах, нормативно-правовых договорах и др.). Здесь мы сталкиваемся с «мягкой» междисциплинарностью, когда происходит взаимодействие философского, социологического и собственно юридического подходов в осмыслении феномена источников права.

А.В. Стовба, докт. юрид. наук, адвокат Харьковской областной коллегии адвокатов (г. Харьков, Украина), в выступлении *«Опыт*

правовой и опыт юридический» осветил проблемы концептуализации того опыта, который составляет содержание совместного бытия людей в сфере права. В юридическом опыте содержится интерпретация опыта права при помощи навязанных властью комплексов лингвистических данных. Основа правового опыта — бытие с Другими в горизонте самопринадлежности, онтологическим залогом которой выступает нередуцируемая телесность. Эти опыты не взаимоисключают друг друга. Сам опыт в сфере права может быть представлен как сложная взаимосвязь правового и юридического, которая, однако, не является диалектической «борьбой противоположностей», которую предстоит «снять» в некоем всепоглощающем «синтезе», но специфическим способом человеческого бытия-с Другими.

Н.А. Полящук, начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», в выступлении *«Роль правового мониторинга в обеспечении междисциплинарных исследований в современной юриспруденции»* акцентировала внимание на необходимости междисциплинарных исследований как при формировании и становлении правового мониторинга, так и в ходе непосредственного его проведения соответствующими субъектами; на примере использования междисциплинарного подхода были сформулированы основные направления совершенствования правового регулирования общественных отношений, в том числе законодательства, регламентирующего порядок проведения правового мониторинга в Республике Беларусь.

Обсуждению актуальных проблем правовой интерпретации был посвящен **международный «круглый стол» «Интерпретационные проблемы современной семиотики права и юридической герменевтики»**. Он был открыт выступлением **Н.Ф. Ковкель**, канд. юрид. наук, доцента, *«Интерпретационные стратегии семиотики права: в поиске единой парадигмы»*, которая отметила разнообразие семиотико-правовых стратегий интерпретации, обусловленное методологическими и теоретическими различиями научных направлений в семиотике права. Докладчик подчеркнула, что среди современных подходов к анализу процесса интерпретации особый интерес для юриспруденции представляет разработанная У. Эко семиотическая стратегия интерпретативного сотрудничества. Ее несомненным преимуществом является «диалектика прав» текста и интерпретатора, позволяющая найти «срединный путь» между поиском интенции законодате-

ля или иного автора правового текста и неограниченным «произволом» его интерпретатора. «Права текста» связываются с интенцией текста — понятием, введенным в семиотику У. Эко с целью ограничить произвольность интерпретации. Под интенцией текста предполагается «образцовый автор». Обязательным условием извлечения смысла из текста называется выявление его буквального значения, созданного «образцовым автором», и только затем — свобода интерпретации. Это предполагает диалектичное видение текста, который сочетает в себе заданность и неопределенность. Таким образом, в самом процессе порождения текста предусмотрены способы его интерпретации, а читатель как активное начало (М-Читатель) — это часть процесса порождения текста.

В.Г. Веренич, докт. филос. наук, профессор Института философии Тартусского университета (г. Тарту, Эстония), в выступлении *«Семиотика, нейронные сети и искусственный интеллект на службе правовой мысли будущего»* отметил, что использование алгоритмов обучения, например, алгоритма нейронных сетей, противоречит некоторым основным принципам силлогистической аргументации, столь часто используемой в юриспруденции. Нейронная сеть хранит юридическую информацию в нейронных связях (а не в наборе аксиом), демонстрирует свою компетентность в реактивных диспозициях (а не в достоверных выводах), усваивает опыт (а не путем приобретения общих аксиом) и развивается эволюционно (а не путем прерывистых обновлений). Такой подход к праву противоречит обеим основным традициям юриспруденции, а именно естественному праву и правовому позитивизму, которые объединены представлением о праве как системе аксиом (хотя и с разногласиями относительно источника и содержания этих аксиом). Статистический анализ правовых явлений, разработанный в рамках социологического и реалистического подходов к праву, является первым и наиболее очевидным прецедентом для современного использования нейронных сетей. Наиболее схожую формулировку мы находим в юридической теории великого экономиста Ф. Хайека. Нейронная сеть связывает «входные ячейки» с «выходными ячейками». В юридической интерпретации такой нейронной сети «входные ячейки» представляют условия нормы, в то время как «выходные ячейки» представляют возможные юридические последствия. Между входными и выходными единицами обычно есть «скрытые единицы». (Еще не выяснено, какие скрытые единицы можно рассматривать в юридических приложениях как промежуточные термины.) Нетрудно связать наблюдения Хайека с нейронными сетями. Таким

образом, его описание обучения на примерах соответствует стратегии обучения, обычно используемой для нейронных сетей; его концепция артикуляции формулировок правил как попытки уловить бессознательные наклонности отражает проблему лингвистической формулировки знаний, встроенных в такие сети; его идея правовой системы как самоорганизующегося порядка связана с феноменом самоорганизации (и взаимной адаптации) нейронных сетей; его идея работы юриста, основанная на последовательности (или согласованности), решает проблему улучшения поведения сети путем создания и уточнения точного представления ее знаний.

А.Б. Дидикин, докт. филос. наук, и.о. заведующего сектором философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, в выступлении «*Наследие Л. Витгенштейна и теория юридического языка*» раскрыл ключевые аргументы философии Витгенштейна на разных этапах его творчества, получившие отражение в современных дискуссиях аналитических философов права. Среди них идея «открытой текстуры» языка и проблема следования правилу, лингвистического анализа терминов обыденного языка и их отображения в языке науки. Автор сформулировал тезис о том, что правила лингвистики не могут быть в полной мере применены к юридическому языку, в том числе в части установления синтаксических правил и семантического содержания юридических терминов.

А.А. Петров, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск), в выступлении «*В поисках предельных оснований преодоления нормативных конфликтов в позитивном праве*» обратился к проблематике стратегий преодоления сложных коллизий в праве (совпадение коллизий в концепции Н.А. Власенко), которые возникают тогда, когда одна и та же конкретная антиномия правовых норм может быть квалифицирована как идеальная совокупность коллизий нескольких типов. Такие конфликты норм существуют, так как совокупность закрепленных в позитивном праве коллизионных норм может быть внутренне рассогласованной и (или) несовместимой с общими принципами (максимами) преодоления коллизий (*lex superior, lex specialis, lex posterior*). Поскольку в ситуациях сложных коллизий резко возрастает степень правовой неопределенности, на их примере становится очевидным многообразие различных стратегий преодоления коллизий (выбор одной из коллидирующих норм, их примирение путем толкования либо вообще не обнаружение нормативного конфликта) и даже возможность кумулятивного при-

менения различных стратегий для разрешения единичной коллизии ситуации.

Междисциплинарный диалог юристов и биоэтиков состоялся в рамках международного «круглого стола» **«Право и биоэтика в системе социогуманитарного обеспечения научно-технологического развития»**. Он был открыт выступлением **В.В. Лапаевой**, докт. юрид. наук, главного научного сотрудника сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, *«Принципы биоэтики: проблема юридической интерпретации»*, в котором были обобщены результаты исследования по проекту, поддержанному Российским научным фондом (проект № 19-18-00422). В.В. Лапаева посвятила свое выступление философским основам правового регулирования отношений в области биомедицины. В центре внимания докладчика были проблемы соотношения права и морали как базовых соционормативных регуляторов, задействованных в рамках биомедицины как специфической области научно-практической деятельности. Проблема рассматривалась с позиций либертарно-юридического типа правопонимания, который трактует право как явление, обладающее собственным сущностным принципом — принципом формального равенства в свободе, отличающим право и от властного произвола в форме закона, и от норм общественной морали. В докладе были проанализированы такие направления правового регулирования в данной области, как: 1) защита прав пациентов-испытуемых; 2) стимулирование научно-технологического развития страны; 3) сохранение человечества как биологического вида и социальной общности в ситуации вызовов, связанных с появлением технологий генного редактирования.

О.В. Попова, докт. филос. наук, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, в выступлении *«Этико-правовые проблемы смерти мозга, развития трансплантологии и органного донорства»* представила анализ философского, социокультурного и правового контекстов проблем смерти мозга, трансплантологии и органного донорства. Особое внимание было обращено на освещение национально-специфических особенностей формирования критериев смерти и отношения к смерти. Исследование социокультурного контекста проблемы смерти мозга позволяет прояснить причины возникающих моральных дилемм и коллизий, связанных с легитимацией в клинической практике диагноза смерти мозга, и имеет особое значение для развития трансплантологии. О.В. Попова подчеркнула, что если диагноз смерти моз-

га поставлен *lege artis* согласно всем правилам науки, то это один из самых научно обоснованных и профессионально надежных диагнозов в современной медицине. Совершенно очевидно, что при диагностике смерти мозга требования врачебной этики становятся категорическим императивом — в этой клинической ситуации врачебные ошибки должны быть исключены. Проблема смерти мозга по-прежнему остается открытой научной проблемой. Любые вновь появляющиеся обстоятельства (клинические наблюдения, научные факты) должны проходить проверку «в защиту жизни» или «в защиту смерти».

Е.В. Перепелица, канд. юрид. наук, старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации Управления правовой информатизации Национального центра правовой информации Республики Беларусь, в выступлении «*Вспомогательные репродуктивные технологии в аспекте биоэтики*» подчеркнула популярность законодательного закрепления нетрадиционных и противоестественных способов зачатия. Ученые вплотную приблизились к познанию тайн зарождения и развития человеческой жизни. Считается, что если жизнь не возникает естественным путем, то ее можно создать искусственно и на этом поприще решать проблемы, вставшие перед обществом. В этой связи вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) позиционируются как способ лечения бесплодия, улучшения репродуктивного здоровья, режима воспроизводства населения. В некоторых случаях ВРТ дают шанс на продолжение рода бесплодным супружеским парам. Но в результате развития и распространения подобных методов возникают серьезные этические проблемы и правовые коллизии. Бурное развитие биотехнологий приближает нас к той черте, за которой истинные ценности подменяются суррогатами. ВРТ работают в Республике Беларусь более 20 лет. Не оценен ущерб, приносимый использованием ВРТ тем конституционным ценностям, во имя защиты которых они и применяются — жизни, семье, материнству, отцовству, — они становятся категориями с амбивалентным содержанием, которое можно менять в зависимости от ситуации.

Международная летняя философско-правовая школа завершилась презентацией научной и учебной литературы, а также обсуждением концепции дальнейшего развития *Международного института философско-правовых исследований*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ковкель Наталья Францевна — канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права УО «Белорусский государственный экономический университет»

AUTHOR'S INFO:

Kovkel Nataliya F. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of Law Department of Belarus State Economic University

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ковкель Н.Ф. Обзор международной философско-правовой школы в Республике Беларусь // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 6. С. 197–218. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-6-kovkel

FOR CITATION:

Kovkel, N.F. (2019) *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 14(6), pp. 197–218. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-6-kovkel